

Артём Соколов

Навь

«Автор»

2026

Соколов А.

Навь / А. Соколов — «Автор», 2026

Обычный школьник Егор думал, что его главные проблемы — это контрольная по алгебре и младшая сестра Соня, которая разговаривает с тенями. Но всё изменилось, когда за кухонной плитой обнаружился домовый с долгами перед «Нави-Банком», а старый панельный дом оказался спящим древним големом. Теперь Егор — Магистр Квартиры, а его сестра — «Отмеченная», живая аномалия, способная песней переписывать реальность. Вместе с бюрократичной ведьмой Марой, которая считает КПД леших, и ворчливым домовым Михалычем, они превратили свою хрущевку в убежище для всей нечисти Москвы.

© Соколов А., 2026

© Автор, 2026

Артём Соколов

Навь

Название: Навь

Жанр: Подростковое городское фэнтези, славянский фольклор.

Логлайн: Обычный школьник из спального района Москвы обнаруживает, что его старый панельный дом — это на самом деле спящий древний бог, а за кухонной плитой живет домовой, который задолжал банку Нави душу его бабушки.

Глава 1. Соседи по хрущевке

Лето в Бибирево пахло плавящимся асфальтом и дешевым табаком. Для пятнадцатилетнего Егора лето означало только одно: бесконечные дополнительные по математике и обязанность гулять с младшей сестрой Соней.

Соня была «особым случаем». Врачи называли это «расстройством аутистического спектра», бабушка — «отмеченной», а мама просто плакала по ночам на кухне. Соня не выносила громких звуков, не смотрела в глаза и разговаривала только с тенями в углу комнаты.

— Он говорит, что дядя в стене снова ворует наши носки, — сообщила Соня, сидя на качелях и раскачиваясь так сильно, что цепи скрипели. Она ткнула пальцем в серую панельную девятиэтажку.

Егор закатил глаза.

— Сонь, это называется «сосед дядя Витя», он просто берет по ошибке в прачечной. Пошли домой, сейчас гроза начнется.

Сестра покачала головой. На ней были наушники, в которых играла одна и та же заик-
ленная мелодия из старого советского мультфильма. Она ненавидела грозу. Любую вибрацию
воздуха она чувствовала за час до первых капель.

Когда они зашли в подъезд, пахнувший кошками и сыростью, лампочка на четвертом
этаже моргнула. Раз, другой. А потом лопнула с тихим хлопком, осыпав Егорова осколками.

В квартире было темно. Электричество вырубил во всем районе.
— Бабуль, ты где? — позвал Егор, зажигая фонарик на телефоне.

Из кухни донесся звук передвигаемой мебели.

Егор пошел на звук.

Бабушка, Галина Петровна, женщина монументальных размеров с прической «хала», которую не брала ни одна буря, стояла на табуретке. Она держала в руках старую чугунную сковороду и целилась ею в угол за холодильником.

— А ну вылезай, окаянный! — басом гаркнула бабушка. — Я тебе покажу, как чужие пенсионные заначки жрать!

Егор замер. В углу за старым «ЗиЛом» что-то шевелилось. Это была не крыса. Существо было размером с кошку, покрыто серой свалывшейся шерстью, с огромными черными глазами-бусинами и в крошечных валенках.

Существо повернуло голову. Посмотрело на

Егора. И тяжело вздохнуло.

— Хозяин дома, — сказало оно басом, от которого завибрировали обои. — Совсем стыд потерял. На бабуку с чугуном прешь.

— Михалыч, не доводи до греха! — Бабушка перехватила сковороду поудобнее. — Где деньги, Змей?!

Домовой (а это был именно он, Егор понял это инстинктивно, каким-то древним, под-
корковым знанием) почесал пузо.

— Нету денег, Петровна. Отдал я их. В счет процентов.

— Каких процентов?! — взвыла бабушка.

— По кредиту, — грустно сказал Михалыч. — Я ж в «Навий Банк» вложился. Под две-
надцать процентов годовых. Думал, на новый лапоть накоплю, да ремонт в подполье сделать...
А они, аспиды, душу

твою в залог взяли. Срок — до полуночи.

Егор почувствовал, как пол уходит из-под ног.
— Душу? — пискнул он.

Михалыч кивнул. Его глаза-бусины блеснули в свете фонарика.

— Твою, малой. Бабка-то свое отжила, ей не жалко. А ты молодой, вкусный. Душа чистая, без ГМО. Банк Нави такие коллекционирует.

В этот момент за окном ударил гром. Но это был не гром. Это был звук чых-то гигантских шагов, от которых затряслись стены хрущевки.

Глава 2. Инвентарь кладовки

— Никому не отдам! — взревела бабушка, спрыгивая с табуретки. — Я его сама

вырастила, сама в музыкалку водила, сама его вейпы находила и в унитаз спускала! Моя душа!

— Петровна, закон есть закон, — развел лапами Михалыч. — Договор кровью подписан. Точнее, твоей кровью, когда ты палец в прошлом году резала и на квитанцию капнула.

Соня, стоявшая в дверях, вдруг издала странный звук — не плач, а что-то похожее на смех. Она подошла к домовому и ткнула его в нос.

— Пушистый, — сказала она. — Плохой пушистый.

Михалыч замер.

— Отмеченная, — прошептал он, перекрестившись мохнатой лапой. — Она их

видит.

— Кого «их»? — Егор схватил сестру за руку, оттаскивая от домового.

— Смотрителей, — буркнул Михалыч. — Тех, кто за душами приходит. Если до полуночи не выплатим долг, придет Морок. Он не страшный. Он просто... забирает. От человека остается только одежда и чувство, что он забыл выключить утюг.

— Где этот ваш банк? — Егор выпрямился. Внутри него боролись страх и злость. Злость на этого шерстяного вымогателя, на банк, на мир, который решил забрать у него единственного человека, который понимал Соню. — Я пойду и разберусь.

Бабушка и домовый посмотрели на него как

на сумасшедшего.

— Егорушка, это Навь, — осторожно сказала бабушка. — Мир за зеркалом. Там логика не работает. Там водят хороводы задом наперед.

— Значит, будем плясать, — Егор открыл дверь в кладовку. — Что берем?

Михалыч оживился. Он нырнул под ванну и вынырнул с мешком.

— Так, — деловито начал он, раскладывая вещи на линолеуме. — Это — Путеводный клубок. Только он сейчас Wi-Fi не ловит, спутники старые. Это — Игла Сварога. Не швейная, боже упаси. Ей можно сшивать пространство. Сунуть в розетку — будет портал, но тряханет так, что волосы дыбом встанут.

— А оружие? — Егор проверял заряд телефона. 5%.

Домовой достал из мешка обычную деревянную скалку, которой бабушка раскатывала тесто.

— Вот, — гордо сказал он. — Оружие массового поражения. Осина, вымоченная в святой воде. Любой упырь от одного вида облетает. А если ударить — так вообще прощения просить будет.

Соня подошла и взяла со стола солонку.

— Соль, — сказала она, протягивая ее Егору. — Чистая. Не «Экстра». Каменная.

Егор посмотрел на сестру. На ее серьезное лицо. На скалку в своей руке. На домового в валенках.

— Ладно, — кивнул он. — План такой. Мы

идем в банк Нави. Михалыч, ты — проводник. Соня, ты держишь соль. Бабуль, если мы не вернемся к утру... съешьте мой доширак, он в синей пачке.

Бабушка обняла его так, что хрустнули кости.

— Только попробуй не вернуться, паразит. Я тебя и с того света достану скалкой.

Глава 3. Зазеркалье в ванной

Портал решили делать в ванной. Логика была проста: вода — граница миров, зеркало — дверь.

— Кидаешь иглу в зеркало, — инструктировал Михалыч, — и говоришь: «Чур меня, от яви до нави». Только не перепутай, а то в Тридевятое попадешь, там Кощея налоговая проверяет, он злой.

Егор зажал иглу в руке. Она была холодной и странно вибрировала.

— А если нас там убьют? — спросил он.

— Не убьют, — успокоил домовый. — Ты же должник. Они сначала будут предлагать реструктуризацию. Главное — не подписывай ничего перьевой ручкой. Только шариковой. Шариковые они не освящают, в них силы нет.

Соня стояла у порога ванной и гудела свою мелодию. Она чувствовала опасность.

— Готовы? — Егор посмотрел на свое отражение. На бледного подростка в толстовке с капюшоном, вооруженного кухонной утварью.

Он размахнулся и вонзил иглу в зеркало.

Стекло не разбилось. Оно пошло рябью, как вода от брошенного камня. По ту сторону была не их ванная. Там была ночь. Черно-

белая, как в старом телевизоре. Снег падал вверх.

— Добро пожаловать в Москву-2, — хмыкнул Михалыч, первым шагая в пустоту. — Район Марьино. Только без «Макдоналдса» и с лешими в маршрутках.

Егор взял Соню за руку. Ладонка сестры была горячей.

Они шагнули в зеркало.

Хрущевка за их спинами вздохнула, как старый великан, и снова погрузилась в сон. Но теперь в каждой тени за обоями, в каждой скрипе паркета и в каждом гуле труб жила магия. И она была очень голодна.

Глава 4. Москва-2: Район Марьино

Переход оказался не мгновенным. Это было похоже на падение в густой, ледяной кисель. Егор чувствовал, как его молекулы разбирают на части, а потом собирают заново, но, кажется, ошиблись с инструкцией и пришили правое ухо чуть ниже положенного. Когда тошнота отступила, он понял, что стоит по колено в снегу.

Но снег был черным. Как толченый уголь. Он хрустел под ногами, как стекло, и не таял.

Небо здесь не имело звезд. Вместо него висел огромный, пульсирующий диск, похожий на нарыв — то ли черное солнце, то ли луна, залитая тушью. Света оно не давало, лишь подчеркивало абсолютную монохромность мира.

— Прибыли, — Михалыч выбрался из сугроба,

отряхивая валенки. — Осторожнее, малой. Тут поребрики не по ГОСТу.

Егор огляделся. Это было Марьино. Точнее, его изнанка. Те же одинаковые серые панельки, но они выглядели так, будто их строили пьяные великаны: дома кренились под невозможными углами, окна висели в метре от земли, а из вентиляционных шахт на крышах валил не пар, а густой сизый дым, пахнувший серой и перегаром.

Дороги были заменены на реки из застывшей смолы, через которые были перекинуты гниющие бревна.

— А где люди? — шепотом спросил Егор, крепче сжимая руку Сони. Сестра стояла спокойно, зачарованно глядя на черное солнце. Для нее этот мир, лишенный

режущих звуков и ярких цветов, был почти комфортным.

— Какие люди, дубина? — фыркнул Михалыч. — Это Навь. Нижний город. Тут живут те, кто не прошел фейс-контроль наверху.

Из подворотни ближайшего дома, который напоминал скорее оскалившийся череп, вывалилась компания.

Егор замер. Это были не люди.

Первый — высокий, с кожей цвета мокрого пепла, одетый в дорогой, но истлевший костюм-тройку. Вместо головы у него был череп огромного лося, а из глазниц сочился зеленый фосфоресцирующий туман.

Рядом с ним шла девушка в офисном платье, но ее волосы состояли из живых, шевелящихся змей, а вместо рук были птичьи лапы с длинными когтями.

— Офисный планктон, — пояснил Михалыч, толкая Егора в тень мусорного бака. — Утопленники из бизнес-центров. В жизни перерабатывали, и тут перерабатывают. Вон тот, с лосяным черепом — начальник отдела продаж. До сих пор скидывает задачи в корпоративный чат мертвецам.

Они прошли мимо, цокая когтями по асфальту, и скрылись в тумане.

Глава 5. Обитатели Сумрака

Чем дальше они шли, тем безумнее становился пейзаж.

Навь оказалась не просто темным городом. Это была бюрократическая преисподняя, где фольклорные персонажи работали в сфере услуг.

На остановке «Метро Братиславская» (вывеска висела вверх ногами) спал, подложив под голову ржавый щит, **Водяной**. Он выглядел как раздутый труп в дорогом твидовом пальто. Вместо ног у него был сомий хвост, который он прикрывал кейсом из крокодиловой кожи. Во сне он пускал пузыри, пахнувшие тинной и дорогим коньяком.

— Кредитный отдел, — кивнул на него Михалыч. — Самый опасный. Если свистнешь у него мелочь, он выпьет из тебя всю жидкость через трубочку.

Мимо пронесся **Троллейбус №666**. Он был сделан из человеческих костей и ржавых цепей. За рулем сидел скелет в фуражке, который яростно крутил баранку, матерясь на мертвых пассажиров.

— Общественный транспорт, — вздохнул домовый. — Душный, как в час пик. Зато без

пробок.

На фонарных столбах вместо лампочек висели **Русалки**. Они сидели, свесив хвосты, и курили электронные сигареты, пуская кольца дыма в форме утопленников. Когда Егор проходил мимо, одна подмигнула ему и крикнула:

— Эй, красавчик, айти-ипотеку не надо? Ставка божественная!

Но самыми жуткими были **Офисные Лешие**. Они выглядели как обычные менеджеры среднего звена — в мятых рубашках, с бейджиками на груди. Но вместо лиц у них были сгустки паутины и сухих листьев. Они стояли на углах и раздавали листовки.

— Возьми, — один из них сунул Егору бумажку. — Семинар «Как правильно стонать, чтобы повысить свой рейтинг в

Чистилище». Спикер — святой Петр. Вход бесплатный, выход платный.

Глава 6. Банк Нави

Здание «Нава-Банка» невозможно было не заметить.

Это была точная копия их районной ИФНС (налоговой), только сделанная из черного обсидиана. Перед входом росли деревья, на которых вместо листьев росли скрюченные человеческие пальцы, складывающиеся в неприличные жесты.

У дверей стоял **Цербер**. Но это был не пес. Это был трехголовый доберман, одетый в строгую форму секьюрити. На его бейдже было написано: «Валера. Старший смены».

— Вы куда? — рыкнула средняя голова.

— К кредитному инспектору, — пискнул

Михалыч, пряча скалку за спину. — У нас просрочка. По ипотеке души.

Правая голова Цербера принялась.

— Чую живую кровь, — проскрипела она. — И запах «Доширака».

— Это со мной, — быстро сказал Егор. — Это... мой эмоциональный support animal.

Левая голова фыркнула.

— Ладно, проходи. Только в коридоре не наступайте на ковры. Они кричат.

Внутри банка пахло озоном, страхом и дешевым кофе. Пол был выложен плиткой, которая при каждом шаге меняла рисунок, показывая сцены пыток из разных религий.

За стойкой регистрации сидела **Кикимора**. У нее были идеальные акриловые ногти и гарнитура Bluetooth в ухе.

— Следующий! — гаркнула она, не отрываясь от монитора, где крутился спиннер. —
Имя, фамилия, причина смерти?

— Мы еще не... — начал Егор.

— Живые, — закончил за него Михалыч. — У нас досудебное урегулирование. Записаны
на 23:50.

Кикимора подняла глаза. Ее зрачки были вертикальными.

— Егор Смирнов? — она щелкнула пальцами. — Да, вижу. Душа класса «А». Чистая совесть, легкое плоскостопие, IQ выше среднего. Отличный лот.

Она нажала кнопку на столе.

— Инспектор Кощей освободится через минуту. Посидите в зале ожидания. И не трогайте журналы на столике, это души предыдущих клиентов, они кусаются.

Егор сел в кожаное кресло, которое тут же попыталось переварить его. Соня подошла к искусственному растению в кадке. Растение зашипело и спрятало листья.

— Не бойся, — сказала Соня растению. — Я тоже не люблю, когда трогают листья.

Растение удивленно шелестнуло и подвинулось, давая ей место в тени.

Егор посмотрел на часы на стене. Они шли в обратную сторону.
До полуночи оставалось сорок минут.

Глава 7. Токсичные активы

Часы на стене «Нава-Банка» щелкнули в последний раз. Стрелка, двигавшаяся назад, замерла ровно на двенадцати.

В ту же секунду в здании отключился свет.

Погасли люминесцентные лампы под потолком, умерли мониторы компьютеров, затих гул серверов. Зал ожидания погрузился в абсолютную, густую темноту, которую не мог пробить даже свет черного солнца с улицы.

А затем зажглись глаза.

Кикимора за стойкой регистрации перестала быть уставшей офисной работницей. Ее кожа посерела и начала шелушиться, как старая газета, а акриловые ногти вытянулись в желтые, кривые когти. Гарнитура в ухе задымилась.

— Время вышло, — прошипела она, и ее голос больше не звучал через динамик. — Активы к изъятию.

Из кабинетов в коридор начали выходить «сотрудники».

Офисные Лешие, минуту назад раздающие листовки, сбрасывали свои мятые рубашки. Под одеждой у них не было тел — только переплетение сухих веток, мха и пульсирующих, гниющих грибов. Они двинулись к Егору, щелкая суставами, словно кастаньетами.

— Михалыч, план «Б»! — крикнул Егор, выхватывая скалку. Осина в его руках загудела низким, угрожающим басом.

— Какой план «Б»?! — пискнул домовый, прячась за ножку дивана. — План «Б» — это бежать! Я же говорил, надо было в Тридевятое, там Кощея хоть уговорить можно!

Соня не испугалась. Темнота для нее была привычной средой. Она отпустила руку брата, сделала шаг вперед и вытянула вперед ладонь с зажатой в ней солонкой.

Она не кричала. Она просто начала гудеть свою мелодию громче.

Один из Леших, щелкая ветками, протянул к ней руку-палку.

Как только его пальцы коснулись ауры девочки, грибница на его «груди» вспыхнула ядовито-зеленым светом и... сгорела. Леший издал звук ломающегося сухостоя и рассыпался в труху.

— Отмеченная, — в ужасе прошелестела Кикимора. — У нее иммунитет к токсичной среде!

Глава 8. Инспектор Кощей

Из самого темного угла коридора — там, где висела табличка «Старший кредитный инспектор» — потянуло холодом. Не просто сквозняком, а космическим, абсолютным нулем.

Фигура вышла из тени.

Это был Кошей. Но он не был похож на скелет из сказок. Он выглядел как очень худой, очень высокий мужчина в безупречно сшитом костюме из материала, напоминающего вороную сталь. Его лицо было бледным, как мрамор, а глаза... глаз не было. Вместо них на лице зияли две аккуратные, черные дыры, в которых кружилась метель.

Он не шел. Он скользил над полом.
— Смирнов Егор, — его голос не имел

громкости. Он звучал прямо в костях Егора. — Договор номер 666-Б. Просрочка — одна минута.

Кощей щелкнул пальцами.

Чернильная тьма в коридоре сгустилась, обретая форму. Это был Морок — существо, которое они видели на входе. Оно выглядело как человек, сделанный из старых, мокрых газет, сшитых гнилыми нитками. У него не было лица, только гладкое место, где оно должно быть.

— Конфискация, — констатировал Кощей. — Девочка останется. Она — залог. Душа мальчика переходит в собственность банка для дальнейшей реализации на торгах.

— Стой! — Егор выставил вперед скалку. — У нас есть право на реструктуризацию!

Михалыч говорил!

Кощей медленно повернул свою дыру-лицо к домовому.

— Михалыч, — ласково проскрипел он. — Твоя душа уже у нас. За неуплату по микро-займу на новый лапоть. Если ты сейчас же не отойдешь, я спишу остаток долга с твоей хозяйки. Кажется, у Галины Петровны слабое сердце. Очень... слабое.

Домовой заскулил и вжался в плинтус.

Кошей шагнул к Егору.

— Отдай сестру, смертный. В Нави таким, как она, самое место. Она не будет плакать. Здесь нет звуков, которые ее ранят. Мы дадим ей идеальную тишину.

Соня, стоявшая рядом с братом, вдруг

дернулась. Она вырвала свою руку из руки Егора.

Она подошла к Кощею.

Егор хотел закричать, броситься к ней, но ноги словно вросли в плитку, которая теперь показывала его собственные похороны.

Соня остановилась в метре от инспектора. Она посмотрела прямо в черные дыры на его лице.

А потом достала из кармана куртки что-то маленькое, блестящее.

Это была не соль.

Это был тот самый Путеводный клубок, который Михалыч достал из-под ванны. Только теперь нить светилась не тускло, а пронзительно-голубым, как сварочная дуга.

— Плохой дядя, — четко сказала Соня. — Сломал лампочку.

Она бросила клубок в лицо Кощею.

Глава 9. Сбой в системе

Клубок не просто ударился о костюм. Он вцепился в него.

Нить начала разматываться с бешеной скоростью, опутывая инспектора. Но это была не просто пряжа. Это была нить судьбы, и она не терпела долгов.

Кошей заорал. Это был звук распадающихся серверов.

Черные дыры на его лице начали затягиваться паутиной света.

— Нарушение протокола! — визжал он, пытаясь сорвать нить. — Это артефакт класса «Первотворение»! Откуда у нее...

— Это не артефакт, — Егор, сбросив оцепенение, поднял скалку. — Это Wi-Fi моей бабушки! Она его на даче в грядке нашла!

Он подбежал к застывшему в коконе Кощею и со всей силы, на которую был способен пятнадцатилетний подросток, ударил его скалкой по голове.

Осина, вымоченная в святой воде, встретила с древним проклятием. Раздался звук, похожий на удар в колокол.

Костюм из вороной стали треснул.

Кошей рассыпался. Не в прах — в миллионы золотых монет, которые со звоном покатились по полу, исчезая в щелях между плитками.

Морок, оставшись без хозяина, взвыл и начал растворяться. Офисные Лешие, лишившись директивы, беспорядочно

заметались, сталкиваясь друг с другом и превращаясь в кучу хвороста.

Кикимора за стойкой судорожно пыталась снять гарнитуру.
— Система падает! — верещала она. — Резервное копирование!

— Валим! — Михалыч дернул Егора за рукав. — Когда банк банкротится в Нави, здание схлопывается! Нас затянет в Бездну!

— Соня! — Егор обернулся.

Сестра стояла на том же месте. Черное солнце за окном мигнуло и погасло. Здание банка начало вибрировать. С потолка посыпалась штукатурка, состоящая из зубов.

— Домой, — сказала Соня, протягивая брату руку. — Хочу домой. К бабушке.

Егор схватил ее.

Михалыч, путаясь в лапах, швырнул Иглу Сварога в разбитое зеркало над умывальником в углу.

— Чур меня, от нави до яви! — завопил он.

Пространство за зеркалом пошло рябью.

Они прыгнули в темноту за секунду до того, как черный обсидиан «Нава-Банка» сложился внутрь себя, как карточный домик, оставив на улице Марьино лишь пустую парковку и запах озона.

Глава 10. Соседи по хрущевке (Эпилог)

Егор открыл глаза от запаха блинов.

Он лежал на линолеуме в прихожей. Прямо перед носом стояли чьи-то галоши. Егор поднял голову и уперся взглядом в мутное

зеркало. В отражении он выглядел так, будто его пропустили через шредер: волосы стояли дыбом, куртка была покрыта черной сажой, которая не отмывалась, а под глазом наливался роскошный фингал — след от неудачного приземления на тумбочку.

Рядом сидела Соня. Она была абсолютно чистой. Ни пылинки. Только на ее коленке красовалась наклейка с единорогом, которой там раньше не было. Она методично пересыпала из ладони в ладонь черный песок, оставшийся в кармане от снега Нави.

— Доброе утро, партизаны, — раздался голос бабушки.

Галина Петровна стояла в дверном проеме кухни, уперев руки в боки. На ней был ее любимый халат с розами, а в руках она

держала ту самую чугунную сковороду. Только теперь сковородка не выглядела просто старой кухонной утварью. По ее краю пробегали едва заметные голубые искры, а ручка была обмотана берестой, испещренной рунами.

— Я всё знаю, — строго сказала бабушка. — Михалыч доложил.

Домовой сидел на обувной полке. Он был одет в крошечную жилетку, связанную из собачьей шерсти. На коленях у него лежал планшет, который он конфисковал у Егора.

— Я, как лицо материально ответственное за жилплощадь, — важно произнес Михалыч, не отрывая глаз от экрана, где бегали какие-то пиксельные чертики, — свидетельствую, что гражданин Смирнов Е. проявил героизм. Но обои в коридоре вы мне, гражданин,

попортили. Там теперь Бездна проступает, придется переклеивать. И где мой договор с «Нава-Банком»? Я его в рамочку хочу.

Егор встал, отряхиваясь.

Он оглядел квартиру.

Сначала изменения были незаметны. Старый ковер в зале. Старый сервант. Всё на своих местах. Но потом он посмотрел на потолок.

В углу, там, где раньше было желтое пятно от затопления соседями сверху, теперь висела **люстра из чистого тумана**. Она тихо гудела, и внутри нее плавали крошечные, размером с ладонь, русалки в офисной одежде, которые лениво перебирали документы.

— Это отдел скоринга, — пояснил Михалыч. —

Я их уболтал к нам в аренду заехать, пока они офис новый ищут. Зато теперь коммуналку платить не надо, они за свет расплачиваются корпоративными баллами.

Егор прошел на кухню.

Бабушка жарила блины. Но тесто она замешивала в ночном горшке, а вместо масла на сковороду капала что-то светящееся из пробирки.

— Ешь, — она сунула Егору тарелку. — Это с разрыв-травой. Укрепляет ауру. А то на тебе лица нет, одни чакры остались.

Блин оказался хрустящим и на вкус напоминал малину с перцем.

— А это что? — Егор кивнул на окно.

За стеклом был их двор. Обычный

московский двор: ржавые качели, старая «Лада» соседа дяди Вити, тополя.

Только теперь на тополе, на уровне пятого этажа, спал **Леший**. Самый настоящий, огромный, поросший мхом. Он использовал ветку как подушку и сладко похрапывал, пуская желудевые сопли. А на самой толстой ветке сидела та самая девушка с головой-змеями из банка Нави. Она была одета в спортивный костюм и читала книгу «Блондинка в законе», периодически поправляя очки.

— А, это... — бабушка махнула лопаткой. — К нам из Того Слесаря (так в Нави называли их район) переселили беженцев. У них там корпоративный конфликт, Кощей воскрес, всех выгнал. Я их пустила пожить, всё равно чердак пустует. Она, — бабушка кивнула на змеедушку, — отличный бухгалтер, кстати.

Сказала, поможет мне с налоговым вычетом за твой «Доширак».

Соня подошла к холодильнику.

Она приложила к нему ладонь и что-то зашептала.

Дверца холодильника со скрипом открылась. Внутри, среди пакетов с кефиром и кастрюли с борщом, сидел **Водяной**. Он был размером с кошку, мокрый и недовольный. Увидев Соню, он снял с головы корону из фольги и вежливо поклонился.

— Госпожа, — булькнул он. — Я закончил инвентаризацию йогуртов. Клубничный просрочен.

— Вот, — Соня повернулась к Егору, счастливо улыбаясь. — Порядок.

Егор посмотрел на сестру. На бабушку с рунической сковородкой. На домового с планшетом. На Лешего за окном.

Его старая, скучная панелька в Бибирево больше не была просто бетонной коробкой.

Она стала Ковчегом. Приютом для всех, кому не нашлось места ни в сияющем мире Яви, ни в бюрократической тьме Нави.

— Мам, я дома! — крикнул Егор, садясь за стол и беря новый блин. — И кажется, нам нужно расширить балкон. К нам на перила только что приземлился Змей Горыныч, говорит, хочет заказать пиццу.

Бабушка вздохнула и перекрестилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.